

Магнитогорск ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Слово о патриархе

Сегодня исполняется 77 лет Николаю Павловичу Воронову

«Два топорика», — так любовно о своем дне рождения говорит сам Николай Павлович. Дата особая. Войнушная и полнокровная. Семейная цифра. Ровная. Не юбилей, но по другим приметам — юбилей выше.

Свой день рождения он решил отметить в Магнитке и вчера приехал из подмосковного Перedelкина в родной город.

Известный советский писатель Николай Воронов — наш земляк, о чем он всегда говорит с гордостью. Родился близ города Троика, на станции Золотая Сопка. Детство прошло в селе Ершовка Кизильского района. Подростком пришел на Магнитогорский металлургический комбинат, работал на доменной подстанции. Два года учился в МГПИ. Затем поступил в Литературный институт им. М. Горького и в 1952 году успешно закончил его.

Первая публикация в «Литературной газете» появилась в 1948 году. Поэтому нынче он отмечает 55 лет своей литературной деятельности.

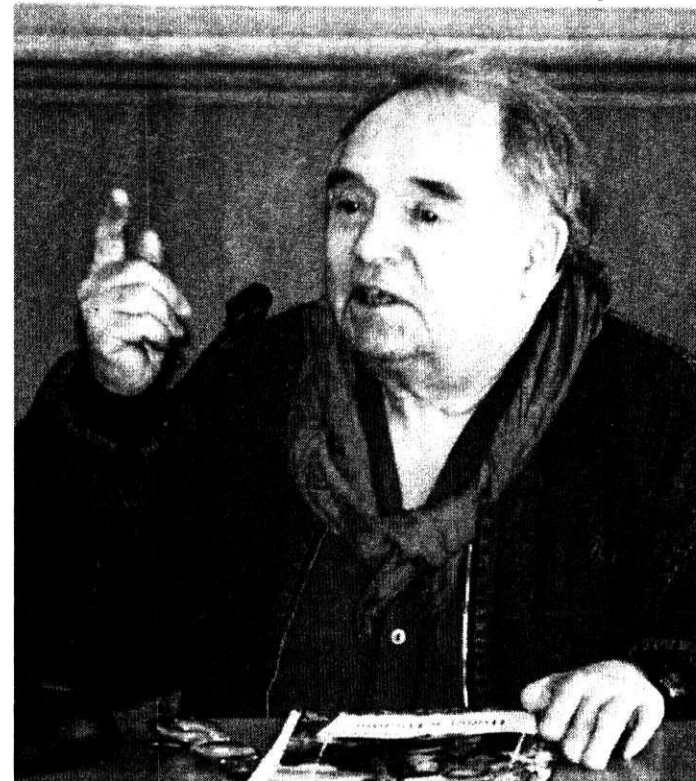
Мы знаем Николая Воронова как автора «Юности» в «Железнодорожке» — романа-повести, ставшего его историческим романом — о строительстве нашего комбината, о юной героической жизни, об особенностях и «метаморфозах» этого отцовского времени. Роман, окончательно появившись в литературном мире в 1968 году, нашумел и снискал разные отзывы, так как художественная и документальная его правда не всем нравилась, не все были готовы принять ее. Впрочем, более «нашумел» он еще до публикации, когда в редакции журнала «Новый мир» шли «бои» — быть или не быть второй половине повести в журнале.

Сегодня мы имеем опубликованные в московской газете «Высший свет» (последний номер, ноябрь 2003 г., главный редактор — Ирина Шелева) архивные материалы об истории «Юности» в «Железнодорожке»: «6 марта 1969 г. вчера в «Литгазете» напечатана гнуснейшая статья о романе Воронова. Предложено ей письмо магнитогорцев. Тех самых, что уже послали письмо в ЦК ВЛКСМ. Все это фальшь, вранье, лицемерие. А сегодня «Из последней почты» в «Правде». В кривом зеркале». Все разыгрывается как по нотам. В конце реплики: «В статье «Литературной газеты» правильно отмечается, что редакция «Нового мира», решившая напечатать это произведение, несет вместе с автором моральную ответственность» (из «Новомирского дневника» Алексея Кондратовича, зам. главного редактора «Нового мира»).

«Роман напечатал Твардовский» — так называется вся подборка материалов. Александр Трифонович в свое время первым взял «моральную ответственность» за роман, глубоко услышав его героический ритм, тугой, народный язык, приняв к сердцу его «чистую правду».

«...А. Т. Я знал, что мы с Вороновым хлебем всякого. Он написал чистую правду, а кому это из чиновников может понравиться» (из того же «Новомирского дневника»).

Лумается, давно пришло наше время — взять ответственность за судьбу уникального произведения нашего соотечественника. А теперь «это время» просто требует с нас ответа. Ибо за все платить надо. Уметь отдавать обратно. Ведь разве не взял в свое время Воронов ответственность за нашу юность, и — наше детство, и — нашу зрелость магнитогорскую, когда расска-

зал о ней всей стране — высоким слогом литературы? А для чего рассказывал, решать каждому и — по-своему. Одно ясно — это было необходимо.

«Было красное небо. По откосам, дыбась и чада, ручьи шли. Из ковши, откуда только что был опрокинут шлак, с прожженной лопатой бил рубиновый луч». В этих строках из романа — метафора всей жизни того времени. В этой метафоре и наша жизнь — во всей ее «вздыблистости» и «шлаковом челе». А со дна ковши, очищенного от шлака жизни — «рубинный луч», с «прожженной лопатой» бьющий в пространство.

«Рубиновый луч» творческого служения Н. П. Воронова коснулся многих. Многим помогал, многое передал в своей и других книжках. Откликнулся на каждую трепещущую судьбу всем

сердцем. При великой литературной занятости находил время для любого, кто переступал порог его дома. При встречах с людьми, в откликах на сердечные нужды рождались образы, писались романы. Среди них — «Макушка лета», «Похитители солнца», «Сам» и другие. Создавались повести: его знаменитая «Голубина охота», «Смятение», «Бег в ночи». Рассказы, особенно запомнившиеся старшему поколению: «Кассирша», «Золотая метель», «Нейтральные люди», «Будет женщины».

В 2001 году в журнале «Путеводная звезда» вышел его новый роман, посвященный беспризорному детству, «Побег в Индию».

Сейчас Николай Павлович живет в Перedelкине. Много и плодотворно работает. Он пишет «Воспоминания о Твардовском», собирает новый сборник рассказов.

Железный Херувим

Николаю Воронову

Идти, огнетворящей, мне,
Насую «альфу» жечь
«омега».

Гореть, расходуя накал.
Казенный знак
терновой масти

Нести на сердце — Ты сказал.
И я в Твоей пребуду власти.

Стихов, Железный Херувим,
Шестиконечных звезд
летящих —

Ты поднял вай!.. Тобой храним
Девятый вал любви!..

И зрящих,
Цемлящих нот
натужный смысл

Соединится с нежной силой,
И усной воли свят-умы
Свет-преисподней
с вьсь-символом,

Лаская сутолочный свет
Железной волею лиловой,
Железнодорожский шилот
привет,

Предоставляя ему Слово.

Предоставляя Доле — свет,
Предоставляя Доле — негу,
Железнодорожский зов-завет —
Любовь, открывшая «омега».

Любовь, объявившая Любовь.
Любовью-Волею хранимый,
Огонь ваяющий — во кровь —
Железный Херувим Любимый.

Елена ЕВГЕНЬЕВА.

Завтра, 21 ноября, в 16.00 в конференц-зале управления информации и общественных связей ОАО «ММК» (пр. Ленина, 124/1) состоится пресс-конференция «И все-таки душой магнитогорский я», посвященная 55-летию литературной деятельности Н. П. Воронова.

«Магнитогорск в дымке времени...»

РЕФЕРАТ

Город — это сложный живой организм. За 70 лет существования Магнитогорск претерпел большие изменения. Пронаблюдать эти изменения можно по произведениям Николая Воронова, так как этот писатель вырос и работал в нашем городе.

Герои всех произведений Н. Воронова, впервые увидев комбинат, потрясены его величественной красотой. «Завод завораживал меня таинственностью, заревами, музыкой, страшной красотой машин, беспрерывной работой пара», — таковы впечатления главного героя романа «Юность» в «Железнодорожке» Сергея Анисимова.

Читая произведения Н. Воронова, нельзя не согласиться с автором, что таких городов, как Магнитогорск, немного. Магнитогорск 30-х годов можно лишь условно назвать городом, скорее, это рабочий поселок при заводе. Силы и энтузиазм строителей были направлены на строительство, а не на обустройство своего быта. Как точно подметил Н. Воронов, дома на Магнитогорске были «схвачены на живую руку».

По мнению писателя, комбинат и город — неотделимы. Герои произведений Воронова испытывают неподдельный восторг при виде фантастических картин ММК. «Нельзя было не окочколоться этой красотой!» — восклицает Антон Готовцев. Но как герои Воронова, так и сам писатель осознают проблемы сохранения окружающей среды.

Читая произведения Н. Воронова, приходишь к выводу, что писатель — мастер художественных деталей. Он умело передает дух той эпохи через незначительные штрихи, которые при внимательном рассмотрении складываются в одну картину.

Время течет неумолимо, и, возможно, у юного горожанина возникнет желание узнать, каким был наш город в самом начале своего пути. К сожалению, сейчас осталось мало первоисточников, свидетелей той эпохи, поэтому наиболее полное представление можно, на наш взгляд, получить из произведений Н. Воронова, так как писатель жил, учился, работал и вместе с городом познавал мир.

Т. ГЕЛЛЕВЕР, О. ЮДИНА,
средняя школа № 12.

Бесценный дар

БИБЛИОТЕКА

Девять городских школ пополнили фонды своих библиотек произведениями классики. Это отнюдь не рядовое событие в жизни общеобразовательных муниципальных учреждений.

Ни для кого не секрет, что из-за многолетнего отсутствия целевого финансирования комплектовать библиотечные фонды становится все труднее. Одним из путей решения проблемы стало перераспределение «книжных запасов» при ликвидации библиотек. На этот раз помощь пришла от директора АНО «Универсальная массовая библиотека» Нины Антонович, заведующей сектором библиотеки Елизаветы Федоровой и депутата городского Собрания Владимира Скрипки. По их инициативе школьникам получили 800 книг и до полутысячи популярных журналов.

В школьных библиотеках появились дополнительные стеллажи, специальная мебель. Сюда же безвозмездно переданы каталоги, разделители. Особый подарок получили учащиеся школы № 63 — переданные в дар их библиотеке уникальная литература поможет ребятам глубже постигать искусство.

Татьяна АРСЕНОВА.

Лишь тот обогащает человечество, кто помогает ему познавать себя, кто углубляет его творческие познания.

Стефан ЦВЕЙГ

Бирюзовая мята

Я к тебе через озеро
Все равно доплыву
И тебя обтою
Узми, у цветущих весен,
Я сажусь в золотую ладью
И каюсь весел.
Только нахмет совсем не водой —
Ежевикой.
Дай тебе я хочу быть простой
И великой.

Пусть кодаут над головой
Птица-осень.
Заманю я тебя за собой
В царство сосен.
Как же вышло случайно, вдруг,
Что вода густая
Не пускает?
Я в воде, я плыву, мой друг,
Не снимая платья.

Ты сидишь на ином берегу —
В бирюзовой мяте.
А глаза, а глаза горят
Словно солнце как-то
Закатилось в них наугад,
Безвозвратно.
Заскрипись
в ресницах твоих,
Затерялось,
Лишь позвать тебя:

«Милый жених!» —
Мне осталось.
Выхожу из озерных чертог
Как наяда.
Ты покинуть меня не мог!
Только нет тебя.
Берег. Песок.
Да примята
Бирюзовая мята
У моих опечаленных ног.

Инна ВОСКОВОЙНИКОВА

Голубь на январском подоконнике

Что может быть отрадней, когда после разлуки, пусть и не долгой, собралась вместе семья? Все мы видели мелькнувшего за окном голубя. Своим метким движением, сверху и снизу, он заставлял нас испугаться: врезается в стену. Но у ларя мы не услышали. Тонна метнулась на кухню. Возвращаясь, он бесшумно скользил по кожаной мебели. Мы до стона нахотались, едва он выскочил губы, с выкруженными глазами и лицом, промолвил: «Голубь на подоконнике».

Люди не столько внимательны, сколько неприметны. Минусом, нас не отделил от высоты одиннадцатого этажа, откуда беспрепятственно для взгляда простор, а вместе с тем все мы обратили внимание на цвет небосклона. Только возвращение Тоши из кухни обнаружило не по-зимнему аспидный, не по предвещанию голубой, обездушенный до базальтовой твердости небесный свод.

Январь удался теплым бабьего лета, и Татьяна подумала, что вот-вот разбухнет гроза. Ближайшее ее впечатление было воспринято детей: они уехали прилет голубя со страхом перед непогодой. Я не предчувствовал грозы и, чтобы проверить, не ошибался ли, поискал в себе хотя бы чудотный признак жуткого намерения природы. Моя локация собственного внутреннего пространства принесла тишину, настораживающую, пожалуй, но не обещающую капельки, градины, а не то что молнии, за которой следуют свирепые грохоты. И намека на прояснение того, почему у нас на подоконнике остановился голубь, по мне не возникло, а ответ малость после пришел, далекий от почти готовой уверенности Татьяны, Ирины, Антуана де Сент-Воронова. Нет, я не осторожничал, приближаясь к двери кухни, закрытой от смердящей на всю новую квартиру пластиковой отравы. Через узоры ланной мерзости, пушенной по стеклу, я разглядел голубя. На подоконнике сидел почтарь. Всякий домашний голубь, относящийся к ушной породе (почтари прежде всего относятся к ушной породе) настораживается чужим двором, осматривается, как бы извещенный в спорх, благодать чему не поймаю его ни часе, ни соколу, ловушке не засады, врасплох, выстрелу не засигнута. Почтарь сидел беспрестанно, и не было в нем ни скрытого трепета, ни легкой угадываемой бдительности. Он либо спокойно раздумывал, либо ждал, если и не зная, что случится с ним вскоре, то, похоже, не страдая за себя.

Ангельская белоснежность восхитила в почтаре. Голубь, поражающий белизной, обычно весь по оперенью в зеленых розовых искрах. Почтарь не отличался пересыпчивостью, не потому не отличал, что его убор глушила крепкая чернота небосклона: свет на голубя нахотило от окна дома, стоявшего наискосок заду. И это было неожиданно как для меня, кто помыкал о догадке, сроду не предвещавшейся, так и для жены с детьми, кому

было известно свойство снежной голубиной белизны. И другая особенность почтара бросалась в глаза — крохотные завитки на горле. Тоша (мы с ним держали голубя в Магнитогорске) предложил заманить голубя. Мать ласково вытнула Тошу из кухни: уж больно он разошелся отворить створку, близ которой продолжал сидеть почтарь. Она, вероятно, распределила, кому лучше это устается,

их врагов. Враги имеются не столько у безобразных созданий, сколько у прекрасных. Верно, природе свойственно беречь прекрасное. Даже весьма безобразное она окрасивает, к примеру, череполох. Почтарь побоялся.

Вот и ошибаюсь, — возразила жена.

Голубь, вовсе не страшится. Ни каплюшечки.

— Доказательство?

Поэзия неведомого

— Испытание.
— Испытание?
— Неужели надо объяснять неясное?

На наш разговор с матерью Ирина отозвалась разочарованием: жизнь по преимуществу бессознательна, а едва на горизонте возникает чудо чуднейшее, мы сразу стараемся его опрелепить на рассудочный манер. Мозг прежде всего — чувствитель. Мы же к мозгу — как к электровозу. Ставим на рельсы, давай кати по ним под управлением нестрелок. Какие там диспетчеры, какие там стрелочники, одни стрелки железного рационализма. Я заметил дочери, что студентство пошло ей впрок.

Мы с Тошей воспрянули от безбашенности Ирины к почтаре, однако обоим было восторжеств, лишь только она предложила рыком заскочить в кухню, чтобы успеть закрыть створку, пока голубь не очухается. Боже ты наш, какая глухомань. С пере-

Андрей КУДИНОВ

Шуба и хоккей

РАССКАЗ

Ехал домой Супонев на трамвае. Машина сломалась — что-то там с зажиганием... Вообще, в последние дни у него дела не сильно клеились. Сегодня на работе комиссия по технике безопасности нагрянула. Нашли какие-то нарушения в книге инструктажей — вставили пистон. К тому же возле одного станка масло разлитое. Немного, но и этого хватило — тоже втык... Супонев на этом участке инженерил. Так что получил заслуженно: не можешь работать — найдем замену! Настроение, конечно, было испорчено, и, поддавшись ему, далее он уже поругался с кем-то в этом самом трамвае.

Магнитогорск сам по себе жесткий город, который и строился-то людьми ссыльными, согнанными сюда насильно. И эта полубарачная, полужоковская атмосфера так, наверное, и сохранилась в характере его жителей по сей день — с их вечной готовностью к бою. Война вроде как закончилась, а вот военное положение отменить забыли. И ничего тут удивительного, что Петр Супонев, толкнув кого-то в трамвае, конечно, по неосторожности, получил тут же легкий скандал. Впрочем, и он в долгу не остался. Может, работа на комбинате потому и налажена, и идет без особых сбоев, что обитатели Магнитки не дают друг другу расслабляться и достаточно прямолинейны в своих отношениях. Конфликты и ругань на работе — обычная история, но производств от этого, оказывается, только выигрывает. Однако нервов не прибавляет. Вот почему Супонев, завалившись домой, сразу поругался с супругой:

— Опять тапочки не на месте... Лампочка в туалете перегорела — сами не могли вернуть!.. Дочка наша родимая... Опять вчера в двенадцать приперлась — заневестилась, что ли?! Так рано еще! Ну, ребята, распустились вы тут. Пора вам гайки закручивать!

— Ты что сорвалась-то! — уже кричала в ответ его благоверная жена Райка. — Давай и я теперь с работы каждый день такая приходишь буди. Мало ли что там у тебя... То ему не так, это ему не так. Тоже мне цаца!

Петр плюнул и ушел в зал. Есть расхотелось.

— Ну получишь ты у меня теперь шубу к дню рождения! — зло подумал он и с тем ушел в кресло.

Включил телек. Там как раз шел хоккей. Матч намечался интересным: наши играли с ЦСКА. Столичная команда. Сильный клуб. С амбициями. К тому же в турнирной таблице москвичи занимали чуть ли не первое место.

— Хорошо, если б наши выиграли, — с сомнением подумал Супонев.

Не любил он этих столичных — снобы проклятые. Все из себя. Но тут случилось следующее: на шестой минуте «Металлурги» забили гол. А потом началось. Родная команда, поймав кураж, за несколько минут заиграла в ворота противника еще три гола. Первый период был закончен со счетом 6:0. В нашу пользу. Вот это игра!

— Зря я на Райку наорал, — подумал Петр. — Она и на работе плачется, и по дому пашет, и за детьми... А я разошелся тут. Дай мне то, дай мне это...

После второго периода, когда в ворота «Металлурга» противник забросил две шайбы, Супонев посмотрел на часы — сына еще не было. Где он шатается? Уроки наверняка еще не выучил, а весь в бегах. Вот я ему задам.

Наконец игра была закончена с разгромом для армейцев счетом — 8:2. И голы-то какие — красивые! Хоть на выставку. Супонев прошел на кухню к жене. Та после ссоры оттуда так и не высовывалась. Обнял ее. Прижался.

— Ну прости, прости, родная. Всякое в жизни бывает. Я виноват. Чего уж тут говорить. Ты и так света белого не видишь — еще я тут такое устраиваю, — шептал он ей, тыкая в мягкую теплую шею.

Жена еще секунду обижено поспела. Потом расслабилась, размякла и, как в молодые годы, развернулась и поцеловала супруга в самые губы.

— Дураки мы с тобой, дураки. И чего ругаемся, — затараторила она. При этом женщина встала на цыпочки, чтоб дотронуться до своего мужа. Это так его умиляло.

— Куплю шубу, точно ей куплю, — уже клялся при себе Супонев. — А все-таки наши здорово этих-то... столичных, — вдруг вспомнил он опять про хоккей. — Посбивали с них пену-то. А то ишь ты, понаехали тут... На арпа не возмеще. Как им Корешков запомнил. Молодец. А Гусманчик? Да что там говорить!.. Отличная команда.

В дверях защелкали замки — пришли дети.

— Как дела, сынок?

— Отлично, папаша.

— И у меня отлично. А уроки?

— Уже сделал.

— Ну и молодец!

С дочерью Супонев только поздоровался. Придираться ни к чему не стал. Понял — это лишнее. Действительно, стала она у них красавицей. И впрямь, невеста. Скоро замуж отдавать, а он воспитывать собрался. Папаша ей щеку подставлял. Она его чмокнула. Вот и все воспитание. А жена, с удовольствием наблюдая за такой резкой переменой мужского настроения, думала:

— Какая все-таки отличная игра хоккей. Пару лишних голов — и все в порядке.

Она сегодня тоже спела за турниром. Только на кухню. И ужасно болела за родную команду, отлично понимая всю «политическую подоплеку» ее победы для их семейного благополучия.

Р. С. Некоторые факты хоккейной игры, возможно, искажены. Но, думаю, для рассказа это принципиального значения не имеет.

Почтарь расхлебывал с стеной выбит дна стеклышки полнота, из-за чего и не ушел. Приближаться к голубю спокойно — самое верное. Не захочет лопаться — выпорхнет через створку, пожелает остаться — тихонько взвизгивая. «Очу-хается», да разве можно так про голубя? Так можно про обещавшуюся анимию и о пьянстве, заснувшим с грехи.

В ту пору Ирину уязвляли замечания, как обвинения. Ее словесная зильготина срабатывала без зомбации, если бы не перенасыщенность самолюбия: оно завихрило уми, мигом растереблило стропы. Едва ее воображение готовилось пока-рывать брата и сца и ощутило в себе разный жок, смерча самолюбия все распыливал, и она, снижая, сказала:

— Ну, коли вы познали-вызнали голубей, действуйте.

Я кинул на Анюна, уступая ему доказательство, но он спутался: взрывные обиды сестры разжигали его, отерпел волю. Почему-то пригрозил Татьяне: меня, именно меня почтарь примет бестревожно — благоразположен ко мне чуть ли не заранее. Присутствие неуверенности истаяло. Медленно я приблизился к столу, протянул руку к голубю, сомкнул ладони на крыльях. Он не вскоблелся, не заперевил ногами, что всякий раз чувствую, во время помки даже голубя мелкача. На мгновение мои ладони прояло гулом его сердца. Мы посадили почтара в ящик, вырезали в картоне отверстие для света. В угол ящика при-

Николай ВОРОНОВ.